

Г. А. Гаджиев⁷

«ШЕЛКОВЫЕ ОКОВЫ»: РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В ЕВРОПЕ

Выступая с докладом «Толерантность и диалог культур» на IX Международных научных Лихачевских чтениях 2009 года, академик А. А. Гусейнов затронул вопрос о том, как толерантность, культивирующая мировоззренческий плюрализм, согласуется с концепцией прав человека, которая заявляется в качестве универсально-транснационального, транскультурно-гуманитарного проекта. Им кон-

статируется, что здесь есть известное напряжение и даже противоречие, если только права человека понимать как догматическую совокупность абстрактных ценностей сугубо западного происхождения. В действительности они в таком «оголенном» виде нигде, в том числе и на Западе, не существуют. Это означает, как утверждает А. А. Гусейнов, что понимание и конкретное осуществление прав человека меняется от культуры к культуре, от страны к стране, от эпохи к эпохе. Права человека сами по себе существуют только в текстах деклараций и трудах философов. В реальности мы наблюдаем многообразные опыты их осуществления.

В Европе говорят более чем на 50 различных языках. Каждая страна обладает собственной правовой системой. Казалось бы, это не является непреодолимым препятствием для взаимного общения правовых культур, однако сложности начинаются уже на стадии перевода юридических терминов. Есть сомнения в том, всегда ли удастся адекватно перевести юридические термины, поскольку последние — всего лишь малозначимая в юриспруденции вербальная оболочка, которая скрывает все богатство содержания идей, воплощенных в этих терминах. И в Конституции России, и в Основном законе ФРГ есть упоминание о том, что государство является социальным. Однако представление, идеи о том, что означает социальное государство у нас — страны, вышедшей из социализма, и у Германии, обошедшей его стороной, очень

⁷ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 160 научных работ, в т. ч. книг: «Предприниматель—налогоплательщик—государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики: развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации», «Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционная экономика» и др. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

разнятся. Вот почему специалисты по конституционному праву так любят повторять, что слова конституций, будучи частью реального текста, тем не менее представляют собой некое таинство и потому, что, подобно притчам в Священном Писании, обладают мистическим содержанием. Данные термины только кажутся неизменными и в этом смысле, как часть внешне неизменного текста Конституции, метафизичными. На самом же деле в обществе (включая, прежде всего, сообщество юристов) складываются представления, идеи, иногда развернутые доктрины и концепции о смысле тех или иных юридических терминов (таких, например, как правовое государство, экономическая свобода, достоинство личности). И эти представления очень разнятся, как удачно выразился академик Гусейнов, в разных правовых культурах, разных странах.

Представления о конституционных терминах подвержены трансформации в процессе их официального толкования, и этим обеспечивается диалектическое развитие Конституции при внешней ее метафизичности. Представления о конституционных принципах достаточно эластичны. Однако их нельзя сравнивать с флюгером, который резко изменяет направление в зависимости от направленности ветра. В праве есть, как выражаются психиатры, навязчивые идеи. Одна из них состоит в том, что право должно быть фактором стабильности с помощью правовой определенности. А поэтому устойчивость в представлениях о конституционных терминах должна обеспечиваться, в частности, путем выявления объективной природы каждого из них.

Итак, за различными юридическими терминами может скрываться разное понимание того, что справедливо, разумно, допустимо, дозволено и т. д. Сами по себе юридические термины не элиминируют веления или запреты; представления о них производны от того, что обычно называют правовой культурой.

В книге Патрика Гленна «Правовые традиции мира» автор проводит аналогии семи различных традиций: томической, талмудической, исламской, индуистской, азиатской и традиции стран континентального и общего права.

На европейском континенте появился плавильный котел, в котором происходит сплав различных правовых традиций, — это Европейский суд по правам человека. 46 государств Европы, ратифицировавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (и протоколы к ней), вынуждены придерживаться европейских ценностей, закрепленных в Уставе Совета Европы. А решения Европейского суда по правам человека — это удивительные «шелковые оковы», с помощью которых обеспечивается партнерство различных правовых культур.

При этом Европейскому суду постоянно приходится сталкиваться с конфликтами правовых традиций. Культурные различия между странами приводят к различному пониманию границ свободы человека. В определенной степени эти различия могут иметь место, не посягая на европейские ценности, но возможны и ситуации, когда требуется их сглаживание, и это вызывает чрезвычайно болезненные общественные процессы. Различия между правовыми традициями в странах Европы не только сформировали разное понимание внешне одинаковых правовых норм, но и отразились на ценностных суждениях европейцев, живущих в Лиссабоне, Париже или Владивостоке. Особенно много различий по таким основополагающим вопросам, от которых зависит традиционный, сложившийся уклад жизни, такие как роль семьи и религии в обществе, свободы выражения мнений и т. д. Достаточно вспомнить истории о накидках (хиджабе), карикатурах на пророков.

Остается объяснить, почему же все-таки решения Европейского суда — это «шелковые оковы»? Дело в том, что Суд разработал чрезвычайно гибкую и прагматичную судебную доктрину «свободы усмотрения». Эта доктрина защищает национальные особенности страны, широкую дискрецию национального законодателя, позволяет учитывать различные концепции, а также исторические факторы, особенности уклада жизни людей. Доктрина «свободы усмотрения национального законодателя» позволяет найти разумный компромисс между европейскими ценностями, выплавленными в общем юридическом котле, и ценностными суждениями в каждой отдельной стране.